

Николай Лесков

Пустоплясы

Николай Семёнович Лесков
Пустоплясы

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175403

Николай Лесков

Пустоплясы

Святочный рассказ

На одном дорожном ночлеге по старому тракту сбилось так много людей, что все места в просторной избе были заняты. Случились тут люди и конные, и пешие, и швецы, и жнецы, и удалые разносчики, и чернорабочие, которые ходили дорогу чистить. На дворе было студено, и все, с надворья входя, лезли погреться у припечка, а потом раскладывались, где кто место застал, и начали разговаривать. Сначала поболтали про такие дела, как неурожай да подати, а потом дошли и до «судьбы божества». Стали говорить – отчего это бог Иосифу за семь лет открыл, что в Египте «неурожай сойдет»; а вот теперь так не делает: теперь живут люди и беды над собою не ожидают, а она тут и вот она! И начали говорить об этом всякий по-своему, но только один кто-то с печки откликнулся и сразу всех занял; он так сказал:

– А вы думаете, что если бы нам было явлено, когда беда придет, так разве бы мы отвели беду?

– А разумеется.

– Ну, напрасно! Мало что ли у всех в виду самого ясного, чего отвести надо, а однако не отводим.

– А что, например?

– Да вот, например, чего еще ясней того, что бедных и несчастных людей есть великое множество, и что пока их так много, до тех пор никому спокойно жить нельзя; а ведь вот про это никто и не думает.

– Вот то-то и есть! А если б предвещение об этом было – небось бы поправились.

А тот с печи отвечает:

– Ничего б не поправились: не в предвещении дело, а в хорошем разуме. А разума-то и не слушают; ну а как предвещения придут, так они не обрадуют.

Его и стали просить рассказать про какой-нибудь такой пример предвещения; и он начал сразу сказывать.

– Я ведь уже старик, мне седьмой десяток идет. Первый большой голод я помню за шесть лет перед тем, как наши на венгра шли, и вышла тогда у нас в селе удивительность.

Тут его перебили излишним вопросом: откуда он?

Рассказчик быстро, но нїхотя оторвал:

– Из села Пустоплясова. Знаешь что ль?

– И не слышали.

– Ну, так услышишь, чту у нас в Пустоплясах случилось-то; смотри, чтобы и у вас в своем селе чего-нибудь на такой манер не состроилось. А теперь помолчите, пока я докончу вам: моя сказка не длинная.

Стало в том у нас удивительно, что вокруг нас у всех хлеба совсем не родило, а у нас поле как-то так островком вышло задачное, – урожай бог дал средственный. Люди плачут, а мы

бога благодарим: слава тебе, господи! А что нам от соседей теснота придет, о том понимать не хотим. А соседи нам все завидуют; так и говорят про нас: «божьи любимчики: мы у господа в наказании, а вы в милости». «И каким-де вы святителям молились и которым чудотворцам обещались?» А наши уж и чванятся, что в самом деле они в любви у господа: убираем, жнем, копны домой возим и снопы на овины сажаем да на токах молотим... Такая трескотня идет, что любя-два! И сейчас после этого сряду пошло баловство: накололи убоины, свезли попам новины, наварили бражки, а потом мужики норовят винца попить, а бабы с утра затевают: «аль натърушков натърить! аль лепешечек спечь!» И едим да пьем во вред себе больше, чем надобно. По другим деревням вокруг мякиною и жмыхом давятся, а мы в утеху себе говорим: ведь мы не причинны в том, что у других голодно. Мы ведь им вреда на полях не делали и даже вместе с ними по весне на полях молитвовали, а вот нашу молитву господь услышал и нам урожай сослал, а им не пожаловал. Все в его воле: господь праведен; а мы своих соседей не покидаем и перед ними не горжаемся: мы им помогаем кусочками. А соседи-то к нам и взаправду повадились кажиден да и бесперечь, и все идут да идут и что дальше, то больше, и стали они нам очень надокучисты. Так пришло, что не токмо не кажись на улице, а и в избе-то стало посидеть нельзя, потому что слышно, как все тянут голодные свою скорбинку: «б-о-ж-ь-и л-ю-б-и-м-ч-и-к-и! сотворите святую милостыньку Христа

ради!» Ну, раз дашь, и два дашь, а потом уж дальше поступишь в окно да скажешь: «Бог подаст, милые! Не прогневайся!» Что же делать-то! Хорошо, что мы «божьи любимчики», а им хоть и пять ковриг изрежь, их все равно не накормишь всех! А когда отошлешь его от окошка, – другая беда: самому стыдно делается себе хлеб резать... То есть ясно, как не надо яснее, господь тебе в сердце кладет, что надо не отсылать, а надо иначе сделать, а пока чего должно не сделаешь – нельзя и надеяться жить во спокойствии.

И надо бы, кажется, это понять, а вот однако не поняли; тогда и провозвестник пришел, – его прогнали.

Тут по избе шепотком пронеслось:

– Слушайте, братцы, слушайте!

Запечный гость продолжал:

– Так доняли нас голодные соседи, что нам совсем стало жить нельзя, а как помочь беде – не ведаем. А у нас лесник был Федос Иванов, большой грамотник, и умел хорошо все дела разбирать. Он и стал говорить:

– А ведь это нехорошо, братцы, что мы живем как бесчувственные! Что ни суди, а живем мы все при жестокости: бедственным людям норовим корочку бросить, – нечто это добродетель есть? – а сами для себя все ведь с затеями: то лепешечек нам, то натирушков. Ах, не так-то совсем бы надо по-божьи жить! Ах, по-божьи-то надо бы нам жить теперь в строгости, чтобы себе как можно меньше извести, а больше дать бедственным. Тогда, может быть, легкость бы в душе

осветилася, а то прямо сказать – продыханья нет! В безрас-
судке-то омрачение, а чуть станешь думать и в свет себя при-
водить – такое предстанет терзательство, что не знаешь, где
легче мучиться, и готов молить: убей меня, господи, от разу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.